

Пока Бертрам был погружён в воспоминания, новое рагу доварилось, и трое мышат уже уничтожили невкусное рагу, которое варилось на пятерых взрослых мужчин. Более того, мышата уже глазели на новое рагу, которое сварил Хербарт, и было одновременно бессмысленно и смешно смотреть, как они вертят головами, желая съесть ещё, хотя животы уже раздулись от сытости.

— Сколько же вы голодали?

— Д-дня три примерно.

— Воровство плохо шло, видимо?

— Вообще-то воровство было в первый раз. И с этими ножницами тоже...

— Неудивительно, что вы были такими неумелыми. Так, какие обстоятельства привели вас, детей, к решению заниматься разбоем в этой глуши? И откуда взялись эти ножницы?

Пока наёмники с аппетитом ели новое рагу, мышата нерешительно объяснили свою ситуацию. Выслушав их историю, оказалось, что эти дети изначально были не из города, а жили в маленькой деревне звероловцев. От рождения и до сих пор никогда не ступали в город и даже не знали, есть ли поблизости город.

Что касается того, как эти деревенские мыши оказались здесь, причина была настолько банальной, что казалась ещё более трагичной. Не что иное, как нападение охотников за рабами.

Перед охотниками, вооружёнными синими кнутами и железными пилами, сопротивление звероловцев казалось лишь детской забавой. К тому же красный крюк, который был у главаря охотников, словно зомбируя людей, нейтрализовал сознание тех, кто на него смотрел.

Бертраму показалось, что он примерно понимает, кто эти охотники, и на душе стало мерзко. В отличие от множества крупных отрядов наёмников, включая отряд наёмников Ворон, которые сократились после инцидента трёхлетней давности, ублюдки из Чёрного Кролика, не связанные с бедствиями, как он знал, всё ещё процветают. Дают подчинённым синие артефакты, а сами носят с красными артефактами, которыми толком не умеют пользоваться...

— Это вещь нашей мамы. Она сказала, что с этим можно спрятаться и убежать, что это единственная драгоценная вещь в деревне, так что надо её обязательно хранить.

— Единственный синий артефакт действительно ценен. Храни его хорошо. Даже если кто попросит, никогда не отдавай.

Конечно, поначалу он думал забрать артефакт, но всё же отнимать у детей материнскую реликвию - совесть не позволяет. Как-никак денег хватает, да и артефакт, сделанный для звероловцев, плохо подходит людям, так что Бертрам им воспользоваться не сможет. Бертрам немного изменил первоначальный план и решил просто высадить мышат в ближайшем городе.

Но мышата, похоже, были не в восторге даже от этого. Пока наёмники потягивали чай и понемногу ели маленькое печенье после еды, старший из мышинных братьев осторожно открыл рот.

— Такое... это уже слишком наглая просьба, но всё же, дядя, если у вас есть лишняя еда, не

могли бы одолжить хоть немного? Если переживём зиму, кажется, как-нибудь сможем выжить здесь, но это слишком тяжело.

— Жить здесь? О чём ты говоришь, это место не для жизни детей, да и вообще людей. Лучше идите в город.

— Но идти в город слишком страшно. В городе много людей. Мы не любим людей. Не любим охотников за рабами.

— Тот человек, у которого ты просишь одолжить еду, тоже человек. Я что, в твоих глазах выгляжу зверочеловеком?

— Н-но...

Уже само то, что просишь одолжить еду, не имея возможности вернуть долг, смешно. Неужели они, основываясь на сегодняшнем опыте, собираются в следующий раз воровать лучше и так расплатиться? Да и даже если так, Бертрам не хочет получать ворованную еду. Когда обескураженный Бертрам пристально посмотрел на ребёнка, тот снова испугался и расплакался.

— Может, нельзя?

— Не думай глупости, мелкий. Город для вас действительно опасен, но места за пределами города ещё опаснее. Вы ещё не сталкивались с бедствиями?

— Бедствия... если появятся бедствия, мы спрячемся, так что всё в порядке. Мы умеем хорошо прятаться. Ещё есть сила ножиц. Просто надо как-то решить вопрос с едой, с зимней едой.

— До белых или зелёных вы ещё сможете спрятаться силой этих ножиц. Но если встретите сильные бедствия, вас сразу обнаружат. Вы же и в этот раз были обнаружены обычным человеком, мной, и вот до чего дошло? Если противник будет синим бедствием, вы не только не сбежите, но и не спрячетесь.

Конечно, синие бедствия не так уж часто появляются, но если жить далеко от города, вероятность встречи неожиданно высока. Если способный к бою всего один, причём ребёнок, который не может толком использовать силу артефакта, то вероятность выживания при обнаружении синим бедствием ничтожно мала.

К тому же, даже если повезёт и они избегут бедствий, Бертрам не думает, что эти дети смогут благополучно пережить зиму. Разве не так было и сегодня? Если бы группа Бертрама не поделилась хотя бы невкусным рагу, эти дети скоро умерли бы от голода. Если Бертрам даст еду, может, они как-то переживут эту зиму, но если в следующую зиму повторится то же самое, выдержать будет тяжело.

— Но мы не любим людей. Слишком страшно. Нас точно снова схватят в рабство. Или обманут, солгут и плохо обойдутся. Разве не так?

— ...Это.

— Хотим вернуться и жить в нашей деревне, как раньше. Но мама, папа, все взрослые деревни умерли. Не знаем, где другие деревни мышей-зверолюдей. Поэтому хотим жить здесь втроём. Эта земля ничья, так что нам можно здесь жить, правда?

— .....

— Надо просто пережить эту зиму. В этот раз мы воровали, потому что младшие были слишком голодны, но больше не будем. Весной и осенью здесь тоже растут плоды деревьев, так что следующей зимой лучше соберём еду и переживём. Да?

Бертрам потерял дар речи, глядя на мышонка. Проблема была в том, что он не мог опровергнуть слова этих детей. Если они пойдут в город, определённо появятся люди, желающие их обмануть. Будут люди, которые прогонят их, называя грязными крысятами, будут те, кто сладкими речами заманит и обманет ради жалкой выгоды, и, как они сами сказали, будут охотники за рабами.

Изначально зверолюди легко становятся мишенями охотников за рабами. Даже если не станут рабами, живя среди людей, часто становятся объектами дискриминации и притеснения. Конечно, нельзя сказать, что совсем нет добрых людей, но даже сам Бертрам не смог бы с ходу отличить доброго человека от злого.

В такой ситуации Бертрам не мог быть уверен, правильно ли безоговорочно давить на детей-зверолюдей: "Здесь опасно жить детям, лучше идите в город".

"...Как же лучше поступить".

Он невольно перевёл взгляд на Ахивальда и Бориса. Те тоже смотрели на детей с довольно сложным выражением лица. Если подумать, разве они провели детство в приграничной зоне не по той же причине? Потому что их родители были бывшими рабами, потому что сбежали после жестокого обращения со стороны людей...

— Наши родители говорили, что люди более злобны, чем бедствия. Ни я, ни Борис никогда не видели людей, но раз родители так говорили, мы, естественно, им верили...

Вспомнилась история, которую он давным-давно услышал от Ахивальда. Родители Ахивальда и Бориса выросли рабами с детства, почти не имея представления о человеческом мире, и сразу после побега от человека-работоторговца сбежали в место, где нет людей. Тогда они не знали, что место, куда сбежали, - приграничная зона, не знали, что это место особенно трудно для жизни, и были довольны лишь тем, что сюда не приходят люди.

Они жили в приграничной зоне, охотясь на зелёные бедствия, обычной звериной жизнью. Говорили, что предпочитают жить тяжело, но свободно, чем безопасно, но унижительно. Естественно, они хотели, чтобы и их дети жили такой жизнью. Даже если в приграничной зоне трудно жить, они не хотели, чтобы дети пресмыкались перед людьми и становились рабами.

Естественно, двое братьев, рождённых и выросших в приграничной зоне, даже не думали о том, чтобы выйти за пределы места своего рождения. Они знали только, что за пределами опасно, кишат охотники за рабами, и туда ни в коем случае нельзя идти. Даже если здесь полно страшных бедствий, даже если круглый год идут дожди и земля вязкая, трудная для жизни, они думали лишь, что родились здесь и здесь умрут.

— Говорю это сейчас, но, честно говоря... жизнь там была свободной, но не очень счастливой.

Родители братьев были съедены бедствием в возрасте чуть за тридцать. Тогда тринадцатилетний Ахивальд должен был выживать на той земле вместе с новорождённым младшим братом. Ахивальд смог продолжать жизнь только благодаря чувству ответственности за Бориса. Он часто говорил, что без брата, возможно, сдался бы раньше.

— Не мог сказать этого перед братом, но... иногда думал, что если жизнь – это только одинокое выживание, то, может, счастливее было бы умереть раньше.

Почему, дойдя до такого, он не вышел из приграничной зоны, почему хоть раз не высунул голову во внешний мир – Бертрам тогда не смог задать такой вопрос Ахивальду. Наверняка было страшно. Когда даже на сегодняшний день не хватает сил выжить, трудно решиться шагнуть в мир, о котором ничего не знаешь.

"Наверное, с этими малышами то же самое".

Бертрам со сложными чувствами смотрел на детей. Казалось, что лучше отдать им еду. Как-никак сухой провиант остаётся, если дать его этим детям, разве они не смогут пережить зиму? Это место не такое трудное для жизни, как приграничная зона, и, если захотят, могут в любой момент пойти в город, так что подумалось, что лучше просто намекнуть им, что если станет совсем тяжело, можно идти по дороге прямо в город, а решение оставить им самим.

"Подумаю ещё немного. Как-никак мы собираемся переночевать поблизости..."

Сначала переночуем на склоне горы вместе с этими детьми, а завтра утром проснёмся и примем решение. Бертрам так решил и попытался обратиться к малышу. Но раньше него заговорил кто-то другой.

— А? Подождите.

— Что такое, Эрих?

— Посмотрите туда. За тем горизонтом, кажется, надвигается какая-то огромная стая...

Огромная стая? Не только Бертрам, но и все присутствующие разом повернули головы. Как только они проверили направление, на которое указал Эрих, лица мышат окрасились страхом и ужасом. Похоже, впервые они встречались с таким масштабным бедствием лицом к лицу.

— Колония летающего типа – это проблематично...!

Зрелище было словно огромное цунами надвигается с небес. Головы и животы белые, крылья синие – действительно похоже на волны. Но на самом деле это были не волны. Было похоже на перелётных птиц, летящих на юг в поисках тепла, но если присмотреться, даже не птицы.

— Бежать будем, командир?

— С такой скоростью нас быстро догонят. К тому же у летающих бедствий отличное зрение, так что они уже нас засекли!

Синее бедствие того же ранга, что и то, с которым встречались в прошлый раз на руднике. Хоть и похоже на птицу, размером с взрослого мужчину с распостёртыми руками, а на месте клюва куски плоти болтаются, обнажая полуоткрытую пасть и жуткие зубы. Хорошо хоть нет острых когтей, но на месте, где должны быть когти, свисают ноги с присосками, как у кальмаров или осьминогов. С определённой точки зрения это даже более угрожающе.

Хоть это и бедствие того же ранга, что и в прошлый раз, уровень опасности сейчас был несравнимо выше. Во-первых, <тип колонии> в отличие от обычных бедствий не заканчивается разрушением одного ядра. Микроскопические осколки ядра встроены в центр каждой особи, и надо уничтожить всё это, чтобы нейтрализовать, проще говоря, надо

уничтожить всех этих особей, не оставив ни одной.

К тому же была ещё одна проблема. Противник не наземного, а летающего типа. Справляться с летающими несравнимо сложнее, чем с прикованными к земле...

— Сначала спрячьте детей! Начинаем бой!

Тысячи, нет, возможно, более десяти тысяч огромных бедствий мгновенно заполнили небо. Наёмники без колебаний выхватили оружие.

<http://bllate.org/book/15038/1337839>